

Цветок их тайны

«Русский символизм. „Голубая роза“» на Крымском валу

Любуется Анна Толстова

Коммерсантъ Weekend - 2006 - 22 февр. 19
- с. 42

С выставкой «Русский символизм. „Голубая роза“» Третьяковская галерея только что успешно прогастролировала на фестивале «Европаля» в Брюсселе, покрыв всех образами неземной красоты и нечеловеческой духовности. Но духовность эта для западного зрителя остается, как правило, непередаваемой: ведь без чтения поэтов-символистов и философов-теософов трудно понять, что Виктор Васнецов или Михаил Нестеров — это про соборность, а Николай Рерих — про дионисийство. Остается лишь неопределенное чувство, что все они — о неземном, неизреченном и таинственном. Зато красота формы впечатляет с ходу. Так было и сто назад, когда в 1906-м молодой испанский художник Пабло Пикассо часами простаивал в зале Михаила Врубеля на выставке русского искусства, устроенной Сергеем Дягилевым в Париже. И теперь некоторые даже весь французский кубизм выводят из кристаллических форм русского безумца, заметившего, что «форма — главнейшее содержание пластики».

Летом 1895 года в сборнике «Русские символисты» Валерий Брюсов опубликовал самое знаменитое свое стихотворение. А именно моностих: «О закрой свои бледные ноги». Как шутил потом Юрий Тынянов, первым вопросом шокированного читателя было «Почему всего одна строка?» и только вторым — «Чьи это ноги?». Так проблема формы вышла на первое место, оттеснив содержание на второе. На вопрос «чьи ноги?» русская общественная мысль отвечала поразному. Владимир Соловьев, например, полагал, что ноги принадлежат некоей особе,

Виктор Борисов-Мусатов. «Парк погружается в тень», 1904 год.

страдающей малокровием. Василий Розанов мыслил более глобально, диагностировав новое отношение к женщине — не как к душевному другу, а как к объекту полового влечения, мучительного и сладостного одновременно. Этим новым отношением, для которого вскоре найдутся более точные тер-

мины в сочинениях одного венского психолога, действительно пропитано все искусство символизма, будь то откровенный эротизм врубелевских демонов или сокровенный — нестеровских послушниц. В формальном плане важно, что Брюсов очень точно определил общий тон атмосферы Се-

ребряного века как нечто бледное — бледность ведь очень к лицу Прекрасным Дамам. Это бледность фресок — их во множестве писали Врубель, Нестеров, Васнецов. Или шпалер — голубо-зеленые сцены в парках у Виктора Борисова-Мусатова выглядят, как поблекшие гобелены.

Брюсов якобы придумал название и для самой главной выставки русского символизма, сделанной весной 1907 года, — «Голубая роза». Интерьеры особняка на Мясницкой, где она проходила, специально были выдержаны в голубой гамме. И хотя в названии имелся в виду роман немецкого романтика Новалиса о поисках мистического голубого цветка, вышло так, что Брюсов опять разглядел преобладающий колорит — не только живописцев группы, которую будут называть по выставке «Голубой розой», но и всей эпохи в целом. Этот борисов-мусатовский зелено-голубой тон — первое, по чему узнают художников «саратовской школы»: Павла Кузнецова и Петра Уткина, даже статуи спящих мальчиков Александра Матвеева так и хочется себе представить в туманно-голубоватой зелени старинного сада. Но и несаратовские «голуборозовцы» Сергей Судейкин, Николай Сапунов, Мартирос Сарьян отдали дань программной синеве. Ведь и первый наш абстракционист Василий Кандинский видел в синем цвете квинтэссенцию духовного в искусстве. Так что, оставив французский кубизм в покое, можем утверждать: ноги русского авангарда растут именно из символизма.

ГТГ на Крымском валу,
с 1 марта по 23 апреля

Брюсов
Васнецов

22.02.06